

УДК 340.114.5
ББК 67.05

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА ЮРИСПРУДЕНЦИИ НЕ НИГИЛИЗМ, А ФОРМАЛИЗМ

В. В. Сорокин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье приведены примеры опасности формального подхода при использовании института юридической ответственности. Автор доказывает, что юридический формализм в самых разных странах мира склоняет следователей к вероятностной основе обвинения. Потому что юридический формализм с точки зрения правовых ценностей бессодержателен и заполняет свою пустоту всегда одним — политической ангажированностью. Доктрина, признающая достаточной для осуждения вероятную вину, всегда в истории юриспруденции служила основой для политических репрессий. Вот почему юридический формализм не сопрягается с режимом законности и представляет собой произвол и беззаконие.

Ключевые слова: юридический формализм, правовой нигилизм, законность, принципы права, правовая культура, правосознание, правовая система.

THE MAIN PROBLEM OF JURISPRUDENCE IS NOT NIHILISM, BUT FORMALISM

V. V. Sorokin

Altai State University (Barnaul, Russia)

In the article, the author gives examples of the dangers of a formal approach when using the institution of legal responsibility. The author proves that legal formalism in various countries of the world inclines investigators to the probabilistic basis of the accusation. Because legal formalism, from the point of view of legal values, is meaningless and always fills its void with one thing — political engagement. The doctrine that recognizes probable guilt as sufficient for conviction has always served as the basis for political repression in the history of jurisprudence. That is why legal formalism is not compatible with the regime of legality and represents arbitrariness and lawlessness.

Keywords: legal formalism, legal nihilism, legality, principles of law, legal culture, legal awareness, legal system.

DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)2.2](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)2.2)

Некоторые исследователи юридической ответственности полагают, что формальное отношение следователей и дознавателей к делу есть крайнее выражение принципа законности [1, с. 98–99]. На самом деле торжество законности невозможно, если попираются другие общеправовые принципы права (справедливости, гуманизма, милосердия), которые имеют приоритетное положение перед формальной законностью.

От формально мыслящих правоприменителей мы вполне логично ожидаем законности во всех действиях и решениях. Но логика здравого смысла с юридическим формализмом не сочетается. В период, пока идет расследование по делу или судебное разбирательство и материалы о преступлении только изучаются, вполне официально организуются публикации в средствах массовой информации, где обвиняемые безапелляционно представляются как преступники, а должностные лица органа следствия выражают уверенность, что они будут сурово наказаны. В данном массово распространенном явлении юридической практики правоприменители отступают от законности в пользу нагнетания общественного мнения вокруг уголовного дела, искусственного подкрепления обвинения и фор-

мальной юридической квалификации [2, с. 88]. В 2014 г. руководитель Следственного управления Следственного комитета РФ по Алтайскому краю Е. Г. Долгалев посредством массовой информации распространил свое интервью, где назвал преступниками шесть человек по тяжким и особо тяжким преступлениям. Еще через год четверо из шести названных Е. Г. Долгалевым лиц были оправданы судом как невиновные в инкриминируемых деяниях. Данный случай не является единичным. Рассчитанные на пропаганду идеи законности, подобные интервью приводят к противоположному результату.

В то время как суду еще предстоит выяснить, совершено ли преступление, виновен ли в нем подсудимый и подлежит ли он наказанию, сотрудники полиции, следователи и прокуроры сообщают журналистам данные предварительного следствия под таким углом зрения, чтобы у общества не возникло сомнений в виновности обвиняемого. Судьи независимы и подчиняются только закону, но нельзя сбрасывать со счетов психологический фактор (внушение, давление и т. п.). Информацию СМИ воспринимают те, кому предстоит давать показания в суде в качестве свидетеля, эксперта или потерпевшего. Где гарантия, что каждый из них, выступая в судебном заседании, сумеет отделить собственные впечатления об обстоятельствах дела от опубликованных прессой установок? Ни судье, ни свидетелю бывает непросто вычеркнуть из сознания то, что они зафиксировали своим вниманием на сознательном и подсознательном уровнях. В случаях, когда вердикт суда подтверждает выводы обвинения, у общества возникает впечатление, что органы следствия и прокуратуры предрешают исход дела. А это не способствует престижу и авторитету суда.

Еще в 1982 г. в своей книге «Презумпция невиновности» А. М. Ларин писал: «На мой взгляд, публикация сведений о совершении определенным лицом преступления допустима лишь после того, как об этом скажет свое веское слово суд» [3, с. 44]. Очевидно, научные рекомендации подобного рода должны раздаваться регулярно, чтобы на них когда-нибудь обратили внимание. Это будет соответствовать презумпции невиновности, декларируемой во всех конституциях. Потому что, по меткому замечанию П. С. Элькинд, «право обвиняемого на защиту реально лишь в условиях такой уголовно-процессуальной системы, которая признает презумпцию его невиновности» [4, с. 23].

Презумпция невиновности реально гарантируется, когда единственным органом, уполномоченным признавать кого-либо преступником, является суд; единственной формой такого признания выступает вступивший в законную силу приговор суда; действия и решения суда при этом соответствуют закону и не противоречат принципам права.

Презумпция невиновности помимо прочего предполагает незыблемость правила: «Все сомнения, которые не представляется возможным устранить, должны толковаться в пользу обвиняемого (подсудимого)». Когда этим правилом пренебрегают, торжествует иной подход, сугубо формалистский: «Все сомнения трактуются против обвиняемого (подсудимого)». Для выполнения «палочных» показаний следователи не останавливаются перед предъявлением обвинений, основанных на сомнительных материалах и предположениях.

В 1930-х гг. в юридической доктрине СССР выражалась установка о необязательности и недостижимости достоверного знания о вине обвиняемого; поэтому для признания обвиняемого виновным достаточно установить максимальную вероятность его вины [3, с. 61]. Вероятностное представление о деле всегда проблематично, то есть необоснованно и редко совпадает с действительностью. Разрешение дел на вероятностной основе неправомерно и несправедливо.

Почему формалистская система склоняет следователей-формалистов к вероятностной основе обвинения? Потому что юридический формализм с точки зрения правовых ценностей бессодержателен и заполняет свою пустоту всегда одним — политической ангажированностью. **Доктрина, признающая достаточной для осуждения вероятную вину, всегда служила основой для политических репрессий. Вот почему юридический формализм с режимом законности не сопрягается, и представляет собой произвол и беззаконие.**

С. В. Курьлев предлагал в 1960-е гг. адаптировать математическую теорию вероятности в уголовном судопроизводстве. «Для того, чтобы установить пригодность партии снарядов в 100 000 шт., можно ими выстрелить и узнать их пригодность с достоверностью, однако для практических целей такой способ познания хотя и возможен, но бессмыслен. Поэтому приходится поступать иначе — определить достоверно пригодность, например, 100 шт., а пригодность остальных установить уже по вероятности, то есть определить по вероятности качество не будущих, а уже имеющихся налицо предметов,

в том числе и каждого из них. И на вопрос о пригодности любого из данной партии снаряда вполне правомерен, например, ответ: девять шансов против одного, что снаряд пригоден. И такой ответ будет не просто гипотезой, догадкой, предположением, а знанием» [4, с. 306]. Использование вероятностных методов в обвинительном приговоре само по себе есть преступление против правосудия. Допустимо ли решать вопрос о виновности человека на девяти шансах из десяти? Вероятность в математике — это количественная величина по поводу возможности события в множественных измерениях. Вероятность в юридическом процессе — это неполная, проблематичная информация, которая не может быть законным основанием обвинительного приговора.

Переход от вероятного к достоверному знанию в уголовном процессе достижим при отказе от юридического формализма.

Вынося постановление о привлечении в качестве обвиняемого, органы следствия выносят акт государственной власти. При этом у следователя нередко возникает ложное впечатление о том, что вывод о виновности конкретного человека уже достоверен, подтвержден на государственном уровне и с человеком надо поступать, как с преступником. Бывает, что такой следователь сам подвергается уголовной репрессии, тогда у него открываются глаза, и он начинает воспринимать юрисдикционный процесс совершенно в ином свете.

Формальное обращение к принципам права также представляет собой проблему юридического процесса. На уровне Постановления Верховного Суда РФ необходимо поднять вопрос о применении принципов права при разрешении дел. Важно, чтобы в мотивировочной части судебных приговоров по уголовным делам и судебных решений по гражданским делам судьи демонстрировали неформальное следование принципам российского права. При этом нельзя допустить перехода от игнорирования принципов права правоприменителями к формальному обращению с ними. Так, например, равные права сторон в суде не всегда совпадают с их равными возможностями. Судья по действующему уголовно-процессуальному закону не должен помогать сторонам добывать доказательства, но обеспечить применение принципов права в процессе он обязан.

Необходимо пересмотреть имеющуюся установку отечественного уголовного процесса о том, чтобы обвинитель собирал по делу только обвинительные доказательства. Исходя из цели установления истины по делу (как главной цели государства в уголовном процессе) обязанностью обвинителя должно быть собирание как обвинительных доказательств (устанавливающих событие преступления и виновность обвиняемого илиотягчающих его ответственность), так и оправдательных доказательств (опровергающих событие преступления и виновность обвиняемого или смягчающих его ответственность). По каждому уголовному делу следователь должен собирать и рассматривать все доказательства, имеющие значение для дела, то есть необходимые для установления истины.

Формальные доказательства должны быть чужды российскому правоприменителю. Речь идет о доказательствах, имеющих предустановленную для суда силу и применяемых судом без проверки и оценки по существу только на том основании, что они обладают указанными в законе формальными свойствами.

Задачей доказывания на предварительном следствии и в стадии судебного разбирательства является отыскание истины, то есть получение таких выводов по каждому делу, которые не только правильно отражают то, что произошло в действительности, но и доказывают стремление обвиняемого причинить вред правоохраняемым благам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2008.
2. Сорокин В. В. Теория юридической ответственности. М. : Проспект, 2024.
3. Ларин А. М. Презумпция невиновности. М. : Наука, 1982.
4. Вопросы защиты по уголовным делам. Л. : ЛГУ, 1967.
5. Голунский С. А. О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. М., 1937. Кн. IV.
6. Курьлев С. В. О достоверности и вероятности в правосудии // Правоведение. 1968. № 7.